

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 28. «В эти дни нет ни врага, ни брата»

Выпуск № 248

Владислав Ходасевич

Обезьяна

Была жара. Леса горели. Нудно
Тянулось время. На соседней даче
Кричал петух. Я вышел за калитку.
Там, прислонясь к забору, на скамейке
Дремал бродячий серб, худой и чёрный.
Серебряный тяжелый крест висел
На груди полуголой. Капли пота
По ней катились. Выше, на заборе,
Сидела обезьяна в красной юбке
И пыльные листья сирени
Жевала жадно. Кожаный ошейник,
Оттянутый назад тяжелой цепью,
Давил ей горло. Серб, меня заслышав,
Очнулся, вытер пот и попросил, чтоб дал я
Воды ему. Но, чуть её пригубив, –
Не холодна ли, – блюдце на скамейку
Поставил он, и тотчас обезьяна,
Макая пальцы в воду, ухватила
Двумя руками блюдце.
Она пила, на четвереньках стоя,
Локтями опираясь на скамью.
Досок почти касался подбородок,
Над теменем лысеющим спина
Высоко выгибалась. Так, должно быть,
Стоял когда-то Дарий, припадая

К дорожной луже, в день, когда бежал он
Пред мощною фалангой Александра.
Всю воду выпив, обезьяна блюдце
Долой смахнула со скамьи, привстала
И – этот миг забуду ли когда? –
Мне чёрную, мозолистую руку,
Ещё прохладную от влаги, протянула...
Я руки жал красавицам, поэтам,
Вождам народа – ни одна рука
Такого благородства очертаний
Не заключала! Ни одна рука
Моей руки так братски не коснулась!
И, видит Бог, никто в мои глаза
Не заглянул так мудро и глубоко,
Воистину – до дна души моей.
Глубокой древности сладчайшие преданья
Тот нищий зверь мне в сердце оживил,
И в этот миг мне жизнь явилась полной,
И мнилось – хор светил и волн морских,
Ветров и сфер мне музыкой органной
Ворвался в уши, загремел, как прежде,
В иные, незапамятные дни.

И серб ушёл, постукивая в бубен.
Присев ему на левое плечо,
Покачивалась мерно обезьяна,
Как на слоне индийский магараджа.
Огромное малиновое солнце,
Лишённое лучей,
В опаловом дыму висело. Изливался
Безгромный зной на чахлую пшеницу.

В тот день была объявлена война.

1918 - 1919

Анна Ахматова

Памяти 19 июля 1914

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня.
Закрыв лицо, я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей – опустевшей – приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозových вестей.

1916

Максимилиан Волошин

В эти дни

И. Эренбургу

В эти дни великих шумов ратных
И побед, пылающих вдали,
Я пленён в пространствах безвозвратных
Оголтелой, стынущей земли.

В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью струдившихся народов,
Ужасом разъявщихся времён.

В эти дни нет ни врага, ни брата:
Всё во мне, и я во всех; одной
И одна – тоскою плоть объята
И горит сама к себе враждой.

В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, как дым.
В эти дни душа больна одним
Искушением – развоплотиться.

1915

Выпуск № 173

Николай Клюев

Я был в духе в день воскресный
Апокалипсис, гл. 1, 10

Я был в духе в день воскресный,
Осенённый высотой,
Просветлённо-бестелесный
И младенчески простой.

Видел ратей колесницы,
Судный жертвенник и крест,
Указующей десницы
Путеводно-млечный перст.

Источая кровь и пламень,
Шестикрыл и многолик,
С начертаньем белый камень
Мне вручил Архистратиг.

И сказал: "Венчайся белым
Твердокаменным венцом,

Будь убог и тёмн телом,
Светел духом и лицом.

И другому талисману
Не вверяйся никогда –
Я пасти не перестану
С высоты свои стада.

На крылах кроваво-дымных
Облечу подлунный храм,
И из пепла тел невинных
Жизнь лазурную создам".

Верен ангела глаголу,
Вдохновившему меня,
Я сошёл к земному долу,
Полон звуков и огня.

1908

Максимилиан Волошин

Пролог

Андрею Белому

Ты держишь мир в простёртой длани,
И ныне сроки истекли...
В начальный год Великой Брани
Я был восхищен от земли.

И, на замок небесных сводов
Поставлен, слышал, смуты полн,
Растущий вопль земных народов,
Подобный рёву бурных волн.

И с высоты непостижимой
Низвергся Вестник, оку зримый,
Как вихрь сверлящей синевы,
Огнём и сумраком повитый,
Шестикрылатый и покрытый
Очами с ног до головы.

И, сводом потрясая звездным,
На землю кинул он ключи,
Земным приказывая безднам
Извергнуть тучи саранчи,
Чтоб мир пасти жезлом железным.

А на вратах земных пещер
Он начертал огнём и серой:
"Любовь воздай за меру мерой,
А злом за зло воздай без мер".

И, став как млечный вихрь в эфире,
Мне указал Весы:

"Смотри:

В той чаше – мир; в сей чаше – гири:
Всё прорастающее в мире
Давно завершено внутри".

Так был мне внешний мир показан
И кладезь внутренний разъят.
И, знаньем звёздной тайны связан,
Я ввержен был обратно в ад.

Один среди враждебных ратей –
Не их, не ваш, не свой, ничей –
Я голос внутренних ключей,
Я семя будущих зачатий.

1915

Выпуск № 1049

Николай Клюев

Обидин плач

В красовитый летний праздничек,
На раскат-широкой улице,
Будет гульное гуляньице –
Пир – мирское столованьице.
Как у девушек-согревушек
Будут поднизи плетёные,
Сарафаны золочёные,
У дородных добрых молодцов,
Мигачей и залихватчиков,
Перелётных зорких кречетов,
Будут шапки с кистью до уха,
Опояски соловецкие,
Из семи шелков плетёные.
Только я, млада, на гульбище
Выйду в старо-старом рубище,
Нищим лыком опоясана...
Сгомонятся красны девушки,
Белолицые согревушки, –
Как от торопа повального
Отшатятся на сторонущку.
Парни ражие, удалые
За куветы встанут талые,
Притулятся на завалины
Старики, ребята малые –
Диво-дивное увидючи,
Промежду себя толкуючи:
"Чья здесь ведьма захудалая
Ходит, в землю носом клюючи?
Уж не горе ли голодное,
Лихо злое, подколодное,
Забежало частой рощею.
Корбой тёмною, дремучею,

Через лягу-грязь топучую,
Во селенье домовитое,
На гулянье круговитое?
У нас время недогуляно,
Зелено вино недопито,
Девыцы недоцелованы,
Молодцы недолубованы,
Сладки пряники не съедены,
Серебрушки недоменяны..."

Тут я голосом, как молотом,
Выбью звоны колокольные:
"Не дарите меня золотом,
Только слушайте, крещёные:
Мне не спалось ночкой синею
Перед Спасовой заутреней.
Вышла к озеру по инею,
По росе медвяной, утренней.
Стала озеро выспрашивать,
Оно стало мне рассказывать
Тайну тихую поддонную
Про святую Русь крещёную.
От озёрной прибауточки,
Водяной потайной басенки,
Понабережье насупилось,
Пеной-саваном окуталось.
Тучка сизая проплакала –
Зернью горькою прокапала,
Рыба в заводях повытухла,
На лугах трава повызябла..."

Я поведаю на гульбище
Праздничанам-залихватчикам,
Что мне виделось в озёрышке,
Во глуби на самом доньшке.
Из конца в конец я видела
Поле грозное, убойное,
Костяками унавожено.
Как на полюшке кровавоём

Головами мосты мощены,
Из телес реки пропущены,
Близ сердечушка с ружья паля,
О бока пуля пролятыва,
Над глазами искры сыплются...
Оттого в заветный праздничек
На широкое гуляньице
Выйду я, млада, непутною,
Встану вотдаль немогутною,
Как кручинная кручинушка,
Та пугливая осинушка,
Что шумит-поёт по осени
Песню жалкую свирельную,
Ронит листья – слёзы желтые
На могилу безымянную".

1908, 1919

[Анна Ахматова](#)

Молитва

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребёнка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над тёмной Россией
Стала облаком в славе лучей.

1915

Выпуск № 1171

Максимилиан Волошин

М. С. Цетлин

Нет, не склонённой к дверной раме,
На фоне пены и ветров,
Как увидал тебя Серов,
Я сохранил твой лик. Меж нами
Иная Франция легла –
Озёр осенних зеркала
В душе с тобой неразделимы:
Булонский лес, печаль аллей,
Узорный переплёт ветвей,
Парижа меркнувшие дымы
И шеи скорбных лебедей.
В те дни судьба определяла,
Народ кидая на народ,
Чьё ядовитей жалит жало
И чей огонь больнее жжет.
В те дни невыразимой грустью
Минуты метил тёмный рок,
И жизнь стремилась свой поток
К ещё неведомому устью.

1917

Осип Мандельштам

Зверинец

Отверженное слово «мир»
В начале оскорблённой эры;
Светильник в глубине пещеры
И воздух горных стран – эфир;

Эфир, которым не сумели,
Не захотели мы дышать.
Козлиным голосом, опять,
Поют косматые свирели.

Пока ягнята и волы
На тучных пастбищах водились
И дружелюбные садились
На плечи сонных скал орлы,
Германец выкормил орла,
И лев британцу покорился,
И галльский гребень появился
Из петушиного хохла.

А ныне завладел дикарь
Священной палицей Геракла,
И чёрная земля иссякла,
Неблагодарная, как встарь.
Я палочку возьму сухую,
Огонь добуду из неё,
Пускай уходит в ночь глухую
Мной всполошённое зверьё!

Петух и лев, широкохмурый
Орёл и ласковый медведь –
Мы для войны построим клеть,
Звериные пригреем шкуры.
А я пою вино времён –
Источник речи италийской –
И в колыбели праарийской
Славянский и германский лён!

Италия, тебе не лень
Тревожить Рима колесницы,
С кудахтаньем домашней птицы
Перелетев через плетень?
И ты, соседка, не взыщи –
Орёл топорщится и злится:
Что, если для твоей пращи
Тяжелый камень не годится?

В зверинце заперев зверей,
Мы успокоимся надолго,
И станет полноводней Волга,
И рейнская струя светлей, –
И умудрённый человек
Почтит невольно чужестранца,
Как полубога, буйством танца
На берегах великих рек.

1916, 1935

Выпуск № 619

Николай Гумилёв

Наступление

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвёртый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьётся в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

1914

Максимилиан Волошин

Россия (1915 г.)

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной –
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побеждённой,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветлённой
Всей красотой земли.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутолённою верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твоё бытиё,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твоё.

1915

Выпуск № 1217

Осип Мандельштам

Европа

Как средиземный краб или звезда морская,
Был выброшен последний материк.
К широкой Азии, к Америке привык,
Слабеет океан, Европу омывая.

Изрезаны её живые берега,
И полуостровов воздушны изваянья;
Немного женственны заливов очертанья:
Бискайи, Генуи ленивая дуга.

Завоевателей исконная земля –
Европа в рубище Священного Союза –
Пята Испании, Италии Медуза
И Польша нежная, где нету короля.

Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних, –
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!

1914

Максимилиан Волошин

Париж в январе 1915 г.

Кн. В. Н. Аргутинскому

Всё тот же он во дни войны,
В часы тревог, в минуты боли...
Как будто грезит те же сны
И плавит в горнах те же воли.
Всё те же крики продавцов
И гул толпы, глухой и дальний.
Лишь голос уличных певцов
Звучит пустынной и печальной.
Да ловит глаз в потоках лиц
Решимость сдвинутых надбровий,
Улыбки маленьких блудниц,
Войной одетых в траур вдовий;
Решётки запертых окон
Да на фасадах полинялых
Трофеи праздничных знамён,
В дождях и ветре обветшалых.
А по ночам безглазый мрак
В провалах улиц долго бродит,
Напоминая всем, что враг
Не побеждён и не отходит.
Да светы небо стерегут,
Да ветер доносит запах пашни,
И беспокойно-долгий гуд

Идёт от Эйфелевой башни.
Она чрез океаны шлёт
То бег часов, то весть возмездья,
И сквозь железный переплёт
Сверкают зимние созвездья.

1915

Марина Цветаева

Германии

Ты миру отдана на травлю,
И счёта нет твоим врагам,
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?

И где возьму благоразумье:
«За око – око, кровь – за кровь», –
Германия – моё безумье!
Германия – моя любовь!

Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland,
Где всё ещё по Кенигсбергу
Проходит узколицый Кант,

Где Фауста нового лелея
В другом забытом городке –
Geheimrath Goethe по аллее
Проходит с тросточкой в руке.

Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, – когда, –

– От песенок твоих в восторге –
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда мне свят святой Георгий
Во Фрейбурге, на Schwabenthor.

Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус,
Когда в влюблённости до гроба
Тебе, Германия, клянусь.

Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном – Лорелей.

1914

[Выпуск № 927](#)

[Николай Гумилёв](#)

Война

М. М. Чичагову

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемёт,
И жужжат шрапнели, словно пчёлы,
Собирая ярко-красный мёд.

А «ура» вдали – как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это – мирное селенье
В самый благодный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны.

Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих,
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!»

1914

[Осип Мандельштам](#)

В белом раю лежит богатырь:
Пахарь войны, пожилой мужик.
В серых глазах мировая ширь:
Великорусский державный лик,

Только святые умеют так
В благоуханном гробу лежать:
Выпростав руки, блаженства в знак,
Славу свою и покой вкушать.

Разве Россия не белый рай
И не весёлые наши сны?
Радуйся, ратник, не умирай:
Внуки и правнуки спасены!

1914

Анна Ахматова

Утешение

Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.

Н. Гумилёв

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдёшь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нём не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему.

1914

Выпуск № 751

Максимилиан Волошин

Другу

«А я, таинственный певец,
На берег выброшен волною...»

Арион

Мы, столь различные душою,
Единый пламень берегли
И братски связаны тоскою

Одних камней, одной земли.
Одни сверкали нам вдали
Созвездий пламенные диски;
И где бы ни скитались мы,
Но сердцу безысходно близки
Феодосийские холмы.
Нас тусклый плен земной тюрьмы
И рдяный уголь творящей правды
Привел к могильникам Ардавды,
И там, вверяясь бытию,
Снастили мы одну ладью;
И, зорко испытывая дали
И бег волнистых облаков,
Крылатый парус напрягали
У Киммерийских берегов.
Но ясновидящая сила
Хранила мой беспечный век:
Во сне меня волною смыло
И тихо вынесло на брег.
А ты, пловец, с душой бессонной
От сновидений и молитв,
Ушёл в круговороты битв
Из мастерской уединённой.
И здесь, у чуждых берегов,
В молчаньи ночи одинокой
Я слышу звук твоих шагов,
Неуловимый и далёкий.
Я буду воить и молить,
Чтобы тебя в кипеньи битвы
Могли, как облаком, прикрыть
Неотвратимые молитвы.
Да оградит тебя Господь
От Князя огненной печали,
Тоской пытающего плоть,
Да защитит от едкой стали,
От жадной меди, от свинца,
От стерегущего огнива,
От злобы яростного взрыва,
От стрел крылатого гонца,

От ядовитого дыханья,
От проникающих огней,
Да не смутят души твоей
Ни гнева сладостный елей,
Ни мести жгучее лобзанье.
Да не прервутся нити прях,
Сидящих в пурпурных лоскутках
На всех победных перепутьях,
На всех погибельных путях.

1915

Николай Гумилёв

Второй год

И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война.

Вслед за её крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С победной музыкой и пением
Идут войска в столицу... Чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забывших на полях потоптанных
И громких в летописях слав?

Иль зори будущие ясные
Увидят мир таким, как встарь, –
Огромные гвоздики красные,
И на гвоздиках спит дикарь.

Чудовищ слышны рёвы мирные,
Вдруг хлещут бешено дожди,
И всё затягивают жирные
Светло-зелёные хвощи.

Не всё ль равно? Пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля:
Ты только хмурая привратница
У входа в Божии поля.

1916

Выпуск № 1272

Максимилиан Волошин

Весна

А. В. Гольштейн

Мы дни на дни покорно нижем.
Даль не светла и не темна.
Над замирающим Парижем
Плывёт весна... и не весна.

В жемчужных утрах, в зорях рдяных
Ни радости, ни грусти нет;
На зацветающих каштанах
И лист – не лист, и цвет – не цвет.

Неуловимо-беспокойна,
Бессолнечно-просветлена,
Неопьянённо и не стройно
Взмывает жданная волна.

Душа болит в краю бездомном;
Молчит, и слушает, и ждёт...

Сама природа в этот год
Изнемогла в бореньи тёмном.

1915

Анна Ахматова

Август 1940

*То град твой, Юлиан
Вяч. Иванов*

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украстить её предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждёт!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идёт.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернётся в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.

Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

1940

Максимилиан Волошин

Реймская Богоматерь

Марье Самойловне Цетлин

Vue de trois-quarts, la Cathédrale de Reims évoque
une grande figure de femme agenouillée, en prière.

Rodin*

В минуты грусти просветлённой
Народы созерцать могли
Её – коленопреклонённой
Средь виноградников Земли.
И всех, кто сном земли недужен,
Её целила благодать,
И шли волхвы, чтоб увидеть
Её – жемчужину жемчужин.
Она несла свою печаль,
Одета в каменные ткани,
Прозрачно-серые, как даль
Спокойных овидей Шампани.
И соткан был её покров
Из жемчуга лугов поёмных,
Туманных утр и облаков,
Дождей хрустальных, ливней тёмных.
Одежд её чудесный сон,
Небесным светом опалён,
Горел в сияньи малых радуг,
Сердца мерцали алых роз,
И светотень курчавых складок
Струилась прядями волос.
Земными создана руками,
Она сама была Землёй –
Её лугами и реками,
Её предутренними снами,
Её вечерней тишиной.

...И, обнажив, её распяли...
Огонь лизал и стрелы рвали
Святую плоть... Но по ночам,
В порыве безысходной муки,
Её обугленные руки
Простёрты к зимним небесам.

1915

* Видимый на три четверти, Реймский собор напоминает
фигуру огромной женщины, коленопреклоненной,
в молитве. Роден (*фр.*).

Лариса Миллер

Какие были виды
В садах Семирамиды!
Какие пирамиды
Умел воздвигнуть раб!
Какой владеем речью!
Но племя человечье
Всегда венчало сечей
Любой земной этап.
И то, что возвышалось,
Со страстью разрушалось,
С землёю кровь мешалась.
Была бы благодать,
Когда б с таким усердьем
Учили милосердью,
С каким на этой тверди
Учили убивать,
Под кличи боевые
Вставать живым на выю,
Кромсать тела живые.
Зачем ранима плоть? –
Нелепая уступка
Вселенской мясорубке,

Которой и не хрупких
Под силу размолоть.

1975

Выпуск № 781

Фёдор Сологуб

Змий, царящий над вселенною,
Весь в огне, безумно злой,
Я хвалю тебя смиренною,
Дерзновенною хулой.

Из болотной топкой сырости
Повелел, губитель, ты
Деревам и травам вырасти,
Вывел листья и цветы.

И ползущих и летающих
Ты воззвал на краткий срок.
Сознающих и желающих
Тяжкой жизни ты обрѣк.

Тучи зыблешь ты летучие,
Ветры гонишь вдоль земли,
Чтоб твои лобзанья жгучие
Раньше срока не сожгли.

Неотменны повеления,
Нет пощады у тебя.
Ты царишь, презрев моления,
Не любя и всё губя.

1902

Осип Мандельштам

А небо будущим беременно...

Опять войны разноголосица
На древних плоскогорьях мира,
И лопастью пропеллер лоснится,
Как кость точёная тапира.
Крыла и смерти уравнение, –
С алгебраических пирушек
Слетев, он помнит измерение
Других эбеновых игрушек,
Врагиню ночь, рассадник вражеский
Существ коротких ластоногих,
И молодую силу тяжести:
Так начиналась власть немногих...

Итак, готовьтесь жить во времени,
Где нет ни волка, ни тапира,
А небо будущим беременно –
Пшеницей сытого эфира.
А то сегодня победители
Кладбища лета обходили,
Ломали крылья стрекозиные
И молоточками казнили.

Давайте слушать грома проповедь,
Как внуки Себастьяна Баха,
И на востоке и на западе
Органые поставим крылья!
Давайте бросим бури яблоко
На стол пирующим землянам
И на стеклянном блюде облако
Поставим яств посередине.

Давайте всё покроем заново
Камчатной скатертью пространства,
Переговариваясь, радуясь,
Друг другу подавая брашна.

На круговом на мирном судьбище
Зарёю кровь оледенится.
В беременном глубоком будущем
Жужжит большая медуница.

А вам, в безвременьи летающим
Под хлыст войны за власть немногих, –
Хотя бы честь млекопитающих,
Хотя бы совесть ластиногих,
И тем печальнее, тем горше нам,
Что люди-птицы хуже зверя
И что стервятникам и коршунам
Мы поневоле больше верим.
Как шапка холода альпийского,
Из года в год, в жару и лето,
На лбу высоком человечества
Войны холодные ладони.

А ты, глубокое и сытое,
Забременевшее лазурью,
Как чешуя многоочитое,
И альфа и омега бури;
Тебе – чужое и безбровое,
Из поколения в поколение, –
Всегда высокое и новое
Передаётся удивление.

1923

Выпуск № 10

Марина Цветаева

Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чём – поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звёздная в небе застынет вьюга,
И под землёю скоро уснём мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

1915

Максимилиан Волошин

Потомкам (Во время террора)

Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут: все знаки слижет пламя
И выест кровь слепые письма.
Но, может быть, благоговейно память
Случайный стих изустно сохранит.
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой:
Свидетели великого распада,
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы Последнего Суда:
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций.

Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак и брань, и мор, и трус, и глад
Застигли нас посереде дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.

Стал человек – один другому – дьявол;
Кровь – спайкой душ; борьба за жизнь – законом;
И долгом – месть.

Но мы не покорились:

Ослушники законов естества –
В себе самих укрыли наше солнце,
На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви, и в пытках
Мы выучились верить и молиться
За палачей, мы поняли, что каждый
Есть пленный ангел в дьявольской личине,
В огне застенков выплавили радость
О преосуществлении человека,
И никогда не грезили прекрасней
И пламенней его последних судеб.

Далёкие потомки наши, знайте,
Что если вы живёте во вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью
И человечеством преодолен
Закон необходимости и смерти,
То в этом мире есть и наша доля!

1921